

Дьячкова Е.А.

ЕЩЕ РАЗ О ТУРИЗМЕ ГЛИНКИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

ONCE MORE ABOUT GLINKA'S TOURISM AND ITS CONSEQUENCES

Аннотация. Рецензия на книгу С.В. Тышко и Г.В. Куколь «Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть III. Путешествие на Пиренеи или испанские арабески» (Киев, 2011) состоит из трех частей. В первой рассматривается новизна ответа авторов книги на вопрос «Зачем Глинка ездил в Испанию?». Вторая часть посвящена вопросам методологии исследования. В третьей приводятся отзывы на книгу крупнейших украинских ученых – Н.А. Герасимовой-Персидской, М.Р. Черкашиной-Губаренко и Е.С. Зинькевич.

Abstract. The review of the book *Glinka's Wanderings. Commentary to "The Memoirs". Part III. Journey to the Pyrenees, or Spanish Arabesques* by S. V. Tyshko and G. V. Kukol' (Kiev, 2011) consists of three parts. The first part considers a novelty of the authors' answer to the question: why did Glinka travel to Spain? The second part is devoted to methodological aspects of the study. The third part includes comments on the book from the leading Ukrainian scholars Nina Gerasimova-Persydska, Maryna Cherkashyna-Gubarenko and Elena Zinkevich.

Ключевые слова: Тышко, Куколь, Глинка, Испания, странствия, путь, трэвелог, комментарий, романтизм, темпоральное мироощущение.

Key Words: Tyshko, Kukol', Glinka, Spain, wandering, way, travelogue, commentary, romanticism, temporal world perception.

Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть III. Путешествие на Пиренеи или Испанские арабески. – К.: «Типографія «Клякса»», 2011. – 544 с.

«Цель интерпретации часто сводится к процессу выуживания из автора ответа на вопрос, который ему пока не задавали, но если бы задали, автор не мог бы отвечать никаким другим образом», – пишет Умберто Эко в рекомендациях «Как написать дипломную работу»¹. Авторы «Испанских арабесок» лишают рецензентов возможности спрашивать, поскольку ставят вопрос сами: «Зачем Глинка вообще ездил в Испанию, почему так туда стремился, что хотел привезти с собой с Пиренейского полуострова?»². Легкий ответ – «главной целью поездки был творческий результат, новые и оригинальные сочинения, которые появятся и во время путешествия, и позже, как его итоги», – отвергается сразу, поскольку он, хотя и удобен для биографов, но не следует в полной мере из текстов самого Глинки.

Для С. Тышко и Г. Куколь важно, что композитору «любопытна сама страна, люди, ландшафты и проч.». В связи с этим интересом в тексте цитируется работа

¹ См.: Эко У. Как написать дипломную работу // Гуманитарий – электронный ресурс, режим доступа <http://www.humanitarium.nm.ru/eko.htm> Дата доступа 18.03.2012.

² Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть III. Путешествие на Пиренеи или Испанские арабески. К.: «Типографія «Клякса»», 2011. С. 24. Далее источник цитируется как: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III.

Б. Асафьева о Ференце Листе (1922). В ней исследователь писал, что у Глинки наблюдается «чисто эгоистическая блестяще оригинальная хватка жизни...», что он «впитывает в себя вино жизни», что «центр “послеруслановской” эпохи жизни Глинки – поездка в Испанию с исключительной целью ощутить жизнь в ее еще неизведанной картинности»; и эта «хватка» была «средством концентрации впечатлений для того, чтобы <...> в претворенном виде возвращать их жизни в сугубо сплоченном, конденсированном сочетании образов, в синтезе острых восприятий»³.

В использовании асафьевской цитаты заключена немалая интрига. Авторы в тексте «Арабесок» сознательно умалчивают о работе Асафьева 1947 года, поскольку в ней мотивы глинкинской поездки пояснены с идеологических позиций советского времени. В книге «Глинка» Асафьев увязывает привлекательность Испании с идеей народности искусства: «В ее песнях столько отражения пережитых народом скорбей и радостей, мыслей о жизни и смерти, страданий и воле! И это все – народно-индивидуально, ибо остро, глубоко пережито, но отнюдь не обособлено индивидуалистично, потому что отражает подлинную действительность. Вряд ли Глинка мог так рассуждать, но так чувствовать он мог. Оттого его инстинктивно влекла Испания»⁴.

Безусловно, можно просто объявить эти идеи Асафьева устаревшими. Однако сопоставление цитат разных лет дает интересное направление исследования. Оказывается, что в изучении биографии Глинки важную роль играет фактор социальных масок и ампула.

Одна из таких масок – «миссия творца национального достояния» – зарождается в вербальном поведении самого Глинки и затем активно развивается (вплоть до гиперболизации) в советском музыковедении. Тышко и Куколь пишут о том, что современники Глинки ждали творческих результатов от поездки композитора в Испанию. «И сам Михаил Иванович неоднократно подтверждал подобный взгляд. Еще до поездки он без оговорок заявлял, что имеет «художественную цель в Испании», что «это путешествие чисто художественное, оно, несомненно, обогатит <...> новыми и оригинальными впечатлениями», а в самом его начале утверждал, что музыка вообще является для него главной целью»⁵. В приведенных высказываниях Глинки чувствуется ролевое позиционирование себя как «художника». В дальнейшем музыковеды представляют эту ролевую игру в красках «ударной» работы и «творческого подвига».

Например, Асафьев в работе 1947 года описывал интерес Глинки к испанскому языку как будничной, обязательный труд, на который композитор пошел ради творчества: «Основная его работа – глубокое изучение языка. Он понимал, что без изучения языка интонационно не доберешься до народной сущности и в музыке, и что только интонационное обоснованное слушание и изучение народной песни поможет ему уяснить, где и в чем заключается подлинное народно-национальное содержание, то свое, что делает испанскую музыку явлением глубоко своеобразным...»⁶.

О. Левашева пишет о пребывании Глинки в Испании как подготовительном этапе «творческого подвига»: «Испания не обманула надежд Глинки. Бедная, разрозненная страна, истощенная многолетними войнами, она оказалась для него драгоценным источником новых замыслов и свершений. <...> Первый среди русских композиторов он “открыл” в музыке Испанию, до сих пор известную в России лишь по литературным, поэтическим представлениям. Совершить этот подвиг ему помогло присущее ему чувство живого, истинного и непредвзятого, всегда руководившее им раньше»⁷.

³ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 25.

⁴ Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть I. Украина. К., 2000. С. 96. Далее источник цитируется как: Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I.

⁵ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 25.

⁶ Асафьев Б. Глинка. М.: Музгиз, 1947. С. 95.

⁷ Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: Монография: В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Музыка, 1988. С. 162–163.

Временная дистанция и круглые юбилейные даты усиливают соблазн интерпретации творчества Глинки исключительно с точки зрения уже отведенного ему места в истории музыкальной культуры. Глинка предстает как композитор, которому предписана социальная функция «открывать», «постигать», «претворять», «воплощать». Однако при таком подходе теряется некая исследовательская правдивость, которая связана с пониманием, что в каждый момент жизни Глинки все могло сложиться по-другому, что «Руслан», «Арагонская хота», «Камаринская» могли быть иными, а могли вообще не быть.

Именно ощущение неизвестности будущего, своеобразная игра в прохождении «уровней» вместе с Глинкой отличает серию «Странствий» от других книг, посвященных композитору. Означает ли это упрощение взгляда на Глинку, или подмену научной деятельности публицистикой? Нет, не означает. С изменением «точки наблюдения» в исследование Тышко и Куколь попадает огромное количество новых фактов. Интеллектуальная повседневность композитора обрастает все новыми важными деталями, которые авторам приходится увязывать между собой в единую картину. Новый результат им необходимо согласовывать с уже известными точками зрения, и в случае невозможности сделать это, находить объяснения и ставить новые вопросы.

В «Испанских арабесках» на вопрос «зачем композитор поехал в Испанию?» авторы отвечают несколькими предположениями. Одно из них – туристический отдых: «Оказывается, поездка в Испанию была в этом смысле совершенно необходимой – после мучительного и многолетнего бракоразводного процесса, после почти всеобщего непонимания «Руслана» и неудач с его постановками на родине, после почти года парижского «сидения» в тщетном ожидании Листа и в чем-то приятных, а в чем-то суетных хлопот по поводу исполнения в Париже собственных сочинений...»⁸. Другое пояснение путешествия – желание Глинки «побыть на воле», вне привычного окружения. Оба предполагаемых мотива поездки нашли отражение в двух эпиграфах к первой главе «Испанских арабесок»:

«Как будут довольны друзья вашей милости, когда увидят, сколько прелестных вещей вы привезли им из Испании!» (П. Мериме «Письма из Испании»).

«Так! Отъезжать люблю порою, // Чтоб в самого себя войти» (П.А.Вяземский «Коляска» (отрывок из путешествий в стихах)).

Оба мотива путешествия в Испанию убедительно вписывают фигуру Глинки в общую панораму европейского романтизма. Перед читателем предстает не столько русский «основоположник», сколько композитор-романтик, лирик, для которого, как и для его современников, было важно ощущение своей жизни как движения в Пути: «Но вот что главное: отправляясь в Испанию, Глинка вез свою душу трудиться, потому что важнейший стимул для путешествия на этот раз был – душу впечатлениями кормить; тогда она и пела, и звенела то “Вальсом-фантазией”, то “испанскими увертюрами”. Ему вовсе не надо было научиться сочинять в духе фламенко или канте-хондо (да это, наверное, не стало бы проблемой – при его-то гениальной чуткости к “чужой” музыке!). Но музыкальная Испания как-то не сразу, незаметно для постороннего ужа эмоционально влилась в его темпы, контрасты, разливы и разлеты мелоса...»⁹.

На презентации книги, которая состоялась в Российском центре науки и культуры в Киеве в ноябре 2011 года, С.В. Тышко дополнил этот вывод номинированием новой для музыковедения социальной роли Глинки: «Глинка, конечно, был европеец. Музыка Глинки в той же мере русская, в какой мере она – и европейская, и славянская, и, в определенной мере, украинская. Глинка осуществлял то, что мы сейчас называем народной дипломатией. Он был в Испании те два года, когда дипломатических отношений между Россией и Испанией не существовало. Он общался с испанцами – простыми людьми и идадьго, женщинами, художниками, композиторами, музыкантами и т. д. Открывал ли он для себя Европу? Нет, не открывал, он открыл ее задолго до этого. “Стучался” ли он

⁸ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 30.

⁹ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 46.

в Европу, просился ли он туда? Нет, не “стучался” и не просился. Он просто там пребывал: жил, влюблялся, общался, писал музыку и учил музыке других. И это хорошо, потому что это нам пример».

* * *

В книге Тышко и Куколь читателю может отчаянно не доставать картинок. Здесь хочется видеть рисунки наподобие иллюстраций Эдуарда Риу к книгам Жюль Верна «Дети капитана Гранта», «20000 льё под водой»... Впрочем, эти книги скорее подходят для любителей морей второй половины XIX столетия, а Глинка морей не любил. Об этом мы узнаем из его маршрута по Испании, составленного Тышко и Куколь. Композитора привлекали горы, и он прилагал все старания, чтобы держаться от побережья подальше.

Зато Глинка не боялся разбойников и контрабандистов. Авторы «Испанских арабесок» рассказывают, что «“Испанский альбом” Глинки (во всяком случае, в нынешнем его виде) открывается изображением контрабандиста в его экзотических “доспехах”»¹⁰. А по дороге в Мурсию композитору «повстречался настоящий благородный контрабандист». Он попросил Глинку и его попутчиков подвезти десятилетнюю девочку. Когда путешественники наткнулись на затопленное место, он перетащил на своих плечах через воду и Глинку, и Дона Педро и повозку-тартану¹¹.

С другим «уважаемым представителем этой профессии “в отставке” – Доном Франциско Буэно и Морено (Don Francisco Bueno y Moreno) Глинка общался в Гранаде. Этот господин нажил себе состояние и «сделался честным гражданином», – пишет Глинка. – «Завел перчаточную фабрику и сверх того торговал кожами». Тышко и Куколь обращают внимание на то, что в «Записках» имя Дона Франциско появляется неоднократно: «он становится проводником Глинки в музыкальный мир Гранады, а также открывает ему мир прекрасных гранаденок»¹².

Что же касается разбойников, то Глинка не упоминает ни об одной реальной встрече с ними, однако Тышко и Куколь стало известно, что некоторые дороги, по которым следовал композитор, в середине 1840-х годов «считались категорически небезопасными»¹³. Но как отважно перемещался Михаил Иванович по андалусским дорогам в районе Андухара, Хаэна и Байлена! Как смело он пробирался мимо бывшей берлоги банды грабителей неподалеку от Эсихи! Как самоотверженно любовался он красотами «разбойничьих» ущелий Панкорбо и Деспеньяперрос! И как трогательно он утешал матушку в письмах, убеждая, что он – само благоразумие.

В «Испанских арабесках» мы готовы видеть в Глинке литературный персонаж. Отчасти, в этом можно усмотреть следствие работы авторов по модели лотмановских комментариев к «Евгению Онегину». Отчасти можно говорить о том, что комментаторы текста «Записок» имеют дело по большей части с лирическим героем Глинки. Однако немаловажна и склонность самого Глинки к игровому «литературному» поведению, которое в музыковедении было описано Тышко и его соавторами впервые.

Так, во время странствий по Украине композитор успешно оценил сходство реальной ситуации с художественной ситуацией «Ревизора» Гоголя, и поступил в полном соответствии с гоголевским сценарием, сознательно разыграв «инкогнито из Петербурга»¹⁴. О гоголевских мотивах Тышко и Куколь пишут и в связи с испанскими страницами эпистолярных и мемуарных текстов Глинки: «о семействе донна Хервасио о доньи Марии Глинка замечает: “...Живут они точь-в-точь

¹⁰ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 79.

¹¹ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 410–412.

¹² Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 321.

¹³ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 83.

¹⁴ Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 121–125.

как Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна Гоголя”, имея в виду “Старо-светских помещиков”¹⁵. А в сцене с «благородным контрабандистом» из «Записок» исследователи усматривают «едва ли не “парафраз”» фрагмента «Писем из Испании» Проспера Мериме¹⁶.

Вообще говоря, текст книги производит особый эффект благодаря пересечению двух литературных миров – литературного мира современников Глинки (в первую очередь книг А. Дюма, В. Боткина, П. Мериме, Жорж Санд) и литературного мира современности (в том числе, книг М. Кундеры, П. Коэльо, П. Вайля и У. Эко). Эти миры представляют вневременной европейский образ Испании.

Упоминание в связи с испанским путешествием М. Глинки работ его современников, в частности «Писем об Испании» Василия Петровича Боткина, для музыковедения не новость¹⁷. Новым и характерным признаком современности в исследовании Тышко и Куколь становится количество и объем цитат из этих текстов. Сами авторы комментируют это обстоятельство следующим образом: «Не игнорируя, конечно, того, о чем Михаил Иванович действительно высказывался в “Записках” или в письмах, мы стремимся воссоздать те его наблюдения и впечатления, о которых он по каким-либо причинам умолчал. То есть – в какой-то мере занимаемся реконструкцией текста глинкинских мемуаров. Поэтому нам столь часто приходится говорить голосами то Вашингтона Ирвинга, то Александра Дюма, то Василия Боткина, то Ричарда Форда. Иногда даже казалось, что книга буквально пестрит их высказываниями, и мы опасались, не будет ли это раздражать читателя. Но по трезвом размышлении решили, что деваться все равно некуда: во-первых, о достопримечательностях страны Дон Кихота едва ли скажешь лучше, чем они; во-вторых – эти писатели были талантливы каждый по-своему, но все были романтиками, как и Глинка; и, наконец, именно поэтому никто, кроме них, не мог точнее высказаться на темы, которые интересовали и Михаила Ивановича, – ведь все они были современниками и вдобавок людьми одного круга, их взгляды, хотя и различались, но обладали некоей общностью, продиктованной воспитанием, характером общения, самим духом времени. Поэтому так поразительно похожи подчас их мысли об одном и том же, увиденном или услышанном в Испании, и голос Глинки иногда звучит просто в унисон то с Боткиным, то с Фордом. Мало того: существует опасность, что партия автора “Испанских увертюров” и вовсе может потонуть в общем хоре романтической оды Испании. Правда, голос Глинки до того самобытен, что не может не выделяться даже на таком блестящем фоне замечательным своеобразием – меткими и нестандартными характеристиками народа, культуры и ландшафтов Испании»¹⁸.

Предельная концентрация в книге Тышко и Куколь артефактов «вербальной памяти» об Испании – методологический прием, который исследователи позаимствовали из фабулы романа У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны». Цель этого приема – создать убедительную реконструкцию глинкинского путешествия, или – в авторской формулировке – «вспомнить за Глинку!»¹⁹.

Интерес к методологии Эко подчеркнут в тексте книги самыми разными авторскими знаками, и в первую очередь эпиграфом к изданию – строками из романа «Остров накануне»: *«Подобный сюжет, согласимся, бедноват для приличного романа. К тому же, соберись я выжать из этой истории роман, я докажу в очередной раз, что писать невозможно иначе как наводя вытертые строки случайно найденной рукописи»*²⁰.

«Разумеется, нельзя забывать при чтении, что “Остров накануне” – связка цитат», – пишет переводчик и автор предисловия к изданию романов Эко Е. Костюкович. – «В ней смонтированы куски научных и художественных про-

¹⁵ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 151.

¹⁶ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 412.

¹⁷ Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 93.

¹⁸ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 11.

¹⁹ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 5.

²⁰ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 3.

изведений авторов в основном XVII века»²¹. Однако «Остров накануне», «невзирая на эрудированную насыщенность текста», печатался и в книжном издании, и в журнальном варианте практически без комментариев, поскольку «изобилие сносок нарушило бы художественный эффект, на что Эко не соглашался»²². И как здесь не отдать должное остроумию авторов «Испанских арабесок», которые выбирают эпиграфом к книге комментариев строки романа, к которому комментарии изначально не предполагались!

Не менее важной методологической установкой, заимствованной из современной художественной литературы, в работе Тышко и Куколь оказывается мысль Милана Кундеры о дороге из романа «Бессмертие»: «Дорога – это гимн пространству. Каждый кусочек дороги осмыслен сам по себе и приглашает нас остановиться. Шоссе – победное обесценивание пространства, которое по его милости сейчас не что иное, как сущая помеха людскому движению и напрасная трата времени»²³.

Особенностям дороги посвящена вторая глава «Испанских арабесок» «О пользе неспешности в транспортных коммуникациях: мулы, дилижансы, галеры и разбойники». Тышко и Куколь составляют подробную антологию транспортных средств Испании первой половины XIX века («пешедралка»²⁴, мул, тартана²⁵, галера²⁶ и, наконец, дилижанс²⁷). Описывают ранги погонщиков. Посвящают читателей в особенности испанских единиц расстояния – «испанских лиг». Подробно описываются виды и маршруты, а также опасности, которые подстерегали попутчиков – от ухабин и дорожных ям, которые повозки пытались преодолевать на максимальной скорости, до разбойников и стихийных бедствий.

Во все эти подчеркнута декоративные подробности путешествий по дорогам Испании незаметно вплетена одна из интереснейших идей книги о темпоральном мироощущении человека первой половины XIX века. Вывод, который напрашивается из комментариев Тышко и Куколь следующий. Ощущение времени в этот период перестало зависеть от эталона шага – *Andante*. Романтизм – «эпоха транспорта» [III, 54] – оказался связан с образами неожиданных ускорений и замедлений. К изменению темпов добавилось и всегда непредсказуемое количество впечатлений на условную единицу времени/пространства. Таким образом, интенсивность переживаний могла создавать у путешественников иллюзию ускорения, а монотонные впечатления рождали иллюзию замедления хода времени.

Вообще эффект замедления времени, по мнению Тышко и Куколь, составлял специфику путешествий Глинки по Испании. Замедление было в звуковых реалиях дорог – пении погонщиков упряжек мулов-сагалов. «Пели они громко и заунывно, диковато и монотонно»²⁸. Как «замедление» Глинка воспринимал отклонения от маршрутов, которые авторы книги назвали своеобразными *ritar-*

²¹ Эко У. Остров накануне. Пер. с ит. и предисл. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 1999. – электронный ресурс, режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/eco/ostrov1.html>. Дата доступа: 18.03.2012.

²² Эко У. Остров накануне. Пер. с ит. и предисл. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 1999. – электронный ресурс, режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/eco/ostrov1.html>. Дата доступа: 18.03.2012.

²³ Эта цитата использована также как эпиграф к третьей главе II части «Странствий»: «Глинка в Германии или Апология романтического сознания». – Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть II. Глинка в Германии или Апология романтического сознания. К., 2002. С. 111. Далее источник цитируется как: Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II.

²⁴ Слово Глинки, которое он использует для обозначения пешего хода. – Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 57.

²⁵ Род испанской двуколки. О тартанах см.: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 79, 85.

²⁶ В Испании это крытая повозка. См.: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 79, 85.

²⁷ См.: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 67, 70, 73–78, 82, 84–85 и др.

²⁸ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 65.

dando²⁹. Эффект замедления появлялся когда композитор неоднократно становился «жертвой» искаженных представлений местных жителей о расстояниях в их краях, аборигены часто были склонны к значительному преуменьшению дистанции.

Поскольку Глинка уже испытал все прелести перемещения железнодорожным транспортом в России (вспомним о «Попутной песне»), а в Испании первую железную дорогу стали строить только в 1846 году, темпы перемещения в восприятии композитора были подчеркнута замедленными. Тышко и Куколь пишут: «Все происходило крайне медленно, и транспортные передвижения совершались Largo или Grave – тут очень подходит испанская поговорка “en la mula de San Francisco” [«на муле святого Франциска». – *Ред.*], что вообще-то означает идти пешком»³⁰.

Иная особенность темпорального восприятия Испании была связана с контрастом размеренного уклада жизни, предполагавшего сиесту и «взрывчатостью» испанского характера. «И эта “прелесть замедления” (метафорически используем выражение Умберто Эко) в контрасте с безумными скачками по опаснейшим горным дорогам – в экипаже ли, верхом ли – оказывалась привлекательной для многих и находила отзвук в музыке», – подытоживают свои наблюдения Тышко и Куколь. – «Иначе откуда эти темповые перепады от остановок – “зависаний” во вступлениях “Арагонской хоты” и “Ночи в Мадриде” Глинки, или в “мавританском напеве” оттуда же, к танцевальным вихрям, приходящим им на смену? Но ведь и у Листа, посетившего Пиренеи за несколько месяцев до Глинки, в “Испанской рапсодии” мы ощущаем потрясающий темповый контраст в сопоставлении медленной первой части и стремительной второй, а в “Большой концертной фантазии”, созданной по испанским впечатлениям и на испанском материале (1846), музыка несется вперед в калейдоскопе виртуозных превращений, лишь на мгновения позволяя себе “отдышаться”!»³¹.

КОММЕНТАРИИ К ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЦЕНТРЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В КИЕВЕ

Н.А. Герасимова-Персидская:

– Я поздравляю с этой книгой и Сергея Витальевича, Галину Витальевну и всех нас, потому что это уникальное произведение. Ни один композитор еще не удостоился такой трилогии. В «Странствиях Глинки» замечательно раскрываются человеческие свойства Михаила Ивановича³², а его творчество оказывается вписанным в потрясающе подробную панораму своего времени. Перед нами предстают культура европейская и культура русская. Каждая из книг «Странствий

²⁹ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 54.

³⁰ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 56.

³¹ Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 56.

³² Например, в «Странствиях Глинки» авторы пишут о роли «метеочувствительности» в мироощущении Глинки (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 76; Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 36–37), его игровом поведении, склонности к розыгрышам (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 122), куртуазных манерах и общении с дамами (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 133; Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II. С. 307–309, 356; Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 282), интересе к зоологии (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II. С. 392; Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 346–347), чувствительности к ландшафтам и красивым экзотическим растениям (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 77, 106; Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 91, 342–346), вниманию к кулинарии (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II. С. 158), легкости изучения языков (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II. С. 280–285; Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 154, 202), и, конечно же, о «лейтмотиве всех путешествий Глинки» – «болезнях и лечении» (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть II. С. 132–135).

Глинки» представляет научную ценность, и эта ценность заключается, прежде всего, в информационной насыщенности³³.

И эта книга построена особенно четко³⁴, она имеет много уровней. Мы можем прочитать только основные главы и почерпнуть очень много³⁵, и можем дополнить это еще и главными комментариями. Но это очень большой материал, однако, кто захочет, тот будет читать книгу от начала и до конца³⁶.

Мне кажется, что это принципиально важное издание, которое показывает, как можно раскрыть сущность эпохи, творчество человека во всей его полноте с достоинствами и какими-то слабостями³⁷. Глинка совершенно живой вдруг восстал из своего XIX века и приблизился к читателю, оказался где-то рядом. Поблизости – Испания, а рядом – Франция, а вот и Германия... – все это очень осязаемо, наглядно. Мы многое узнали об этих странах, конечно же, никто не может знать все, но мы узнали эти страны в том времени, а это время, беспокойное время XIX века, показано замечательно – общество, нравы, культура общения это тоже очень важно.

И еще одно свойство этой книги – она готова к тому, чтобы быть читаема любимым читателем, а вовсе не обязательно только тем, кто интересуется только музыкой, только любимым искусством. Там можно найти невероятное количество

³³ С. Тышко: «Глинка написал в “Записках” далеко не все, что он хотел, и далеко не все, что мы хотели бы сегодня там прочитать. Что делать с этим обстоятельством? В первую очередь, это, безусловно, стараться быть точными и искать факты. Некоторые факты помогает найти работы с рукописью “Записок”. Например, академическом издании ПСС Глинки неверно был опубликован фрагмент “Записок”: “Не стану описывать Гранаду-Аламбру – все это уже известно”. В рукописи вместо этого текста слова: “Не стану описывать Градок Аламбру – все это уже известно”. (Примечательно, что в публикации “Записок” на страницах “Русской старины”, приводится третий вариант текста “Не стану описывать Града-Алембру” – <http://runivers.ru/bookreader/book57315/#page/434/mode/1up> С. 430. – Е.Д.) Или другой пример. В рукописи “Записок” мы обнаружили именно испанское слово *catedral*, а не французское *cathédrale*, как значится в академическом издании. Почему редакторы “Записок” предпочли прочесть его именно по-французски, сказать трудно – ведь в данном месте текст чрезвычайно разборчив! Между прочим, употребление здесь испанского обозначения собора в который раз подтверждает давно замеченный факт охотного обращения Глинки к испанским “вкраплениям” в русскую языковую среду. (На страницах “Русской старины” опубликовано испанское слово – <http://runivers.ru/bookreader/book57315/#page/439/mode/1up>, С. 345. – Е.Д.)

Но в тексте рукописи содержится далеко не все факты и обстоятельства путешествий. В этом случае нужно “дописывать” за Глинку, включать в это дело фантазию, и здесь главное – “не заврататься”. Мы книгу об Испании арабесками назвали не случайно. Арабески предполагают некую фантазийность, но фантазийность в рамках правил».

³⁴ Все три части «Странствий» имеют одну и ту же структуру, которая во многом оказалась близка лотмановской. Также как и у Ю. Лотмана, комментарии С. Тышко и его соавторов рассчитаны на издание отдельной книгой и функционирование как самостоятельного текста. Открывают «Странствия» разделы обобщающего характера, затем приводится тематический фрагмент из «Записок» Глинки, последний раздел составляют пронумерованные комментарии – пояснения.

³⁵ Первая глава монографии «Испания глазами Глинки: путешествие и остановка в пути» была опубликована в журнале «Искусство музыки: теория и история» № 1–2 (2011), см. <http://sias.ru/upload/iblock/331/tishko.pdf>.

³⁶ С. Тышко: «Комментарий читать подряд совершенно не обязательно. Можно зацепиться глазом за то, что интересно и нужно, а можно пройти по перекрестным ссылкам».

³⁷ Закадровой «темой-режиссером» каждой части «Странствий» оказываются не столько музыкальные впечатления Глинки и частные творческие работы, хотя и они прокомментированы в книгах крайне подробно, сколько произведения-эталоны русской музыкальной классики, которые появились в результате того или иного путешествия. Так, в первой части «Странствий» авторы пишут о влиянии климатического фактора на концепцию «Руслана». В связи с этим наблюдением возникает интересная гипотеза о «северной опере» Глинки «Жизнь за царя», «южной опере» «Руслан и Людмила», а также поисках «третьей школы» «не северной – немецкой и не южной – итальянской, а объединяющей свойства этих ментальных полюсов – «национальной» русской ли, славянской и т. п.) (Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки... Часть I. С. 81). Вторая часть, «Германия», подводит к пояснению и творческой разработки замысла создания «эталона русской национальной исторической оперы» «Жизнь за царя». В третьей части, посвященной Испании, все нацелено на пояснение творческого результата поездки 1844–47 годов, появлению «образца русского симфонизма», «Камадинской» (1848).

сведений, если кто-то хочет что-то узнать о той или иной области, о том или другом городе, о том или другом явлении, он может обратиться к этому изданию просто как к энциклопедии³⁸.

Читатель может это читать подряд, но может из книги что-то выбрать. Каждый сможет в «Странствиях» найти то, что ему нужно. Романтическое? – Пожалуйста, романтическое. Карточное, авантюрное? – Тоже можно. Научное? – И этого тоже в достатке. Эта книга написана настолько легко, настолько полно, что она доступна любому читателю, и для знакомства с нею вовсе не обязательно иметь высшее образование.

В «Испанских арабесках» авторы достигли умения писать легким, летящим слогом, поэтому книгу читаешь с удовольствием. И я бы сказала, что это слог XIX века³⁹. Нас бы, наверное, коробило, если бы был использован словарь современный. Современный словарь очень необходим с точки зрения науки, но нам бы он казался в данной ситуации не совсем уместным, холодным и «чужим». Чувство стиля эпохи – вот это свойство настоящего культурного человека, и конечно заведующего кафедрой культурологии⁴⁰.

М.Р. Черкашина-Губаренко:

– Конечно это книга не только о Глинке, и время от времени в тексте Глинку теряешь – и это хорошо. Если бы книга была о Глинке, мы бы заскучали, и нам хотелось бы других персонажей. А это книга вообще о путешествиях⁴¹. О том, какую роль в жизни человека играют путешествия, почему люди все время стремятся к этим путешествиям, что их так влечет в чужие страны, что их так увлекает в чужих странах. Книга Сергея Витальевича и Галины Витальевны о психологии путешественников, эта книга об Испании, в конце концов. Я, к сожалению, никогда не была в Испании, и после этой книги мне еще больше хочется побывать там. Если меня судьба занесет в Испанию, то я вооружусь этой кни-

³⁸ В предисловии к изданию авторы пишут: «мы стремимся к тому, чтобы живым смыслом наполнились имена, лишь вскользь упомянутые Глинкой (а других-то, собственно, на «испанских» страницах «Записок» почти не заметно) – будь то пианист Хуан Гельбенсу, певица София Вела, актер Хулиан Ромеа, танцовщицы Мари Ги Стефан или Анита и многие другие; чтобы оживились красками пейзажей многодневные его переезды из Мадрида во все концы страны: в Гранаду ли, в Мурсию или в Севилью; наконец, чтобы стали понятными испанские музыкальные увлечения Глинки – хотой в Вальядолиде и в Мадриде, или той разновидностью песенно-танцевального фольклора, что пленила его в Гранаде и в Севилье, но которую он даже назвать каким-то именем не смог...» (Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 4–5).

³⁹ Вообще незаурядная чувствительность С. Тышко и Г. Куколь к слову проявилась и в фиксации внимания на специфических оборотах глинкинской речи – «пешедралка», «мула» (ж. р.), «ездить осторожно», «певунья Dolores» и др.

⁴⁰ С. Тышко сумел увлечь темами стиля и подробностей культуры немало молодых исследователей, и сегодня можно уже говорить о появлении его научной школы. На некоторые из работ воспитанников С. В. Тышко есть ссылки и в «Испанских арабесках». Примеры: Гадецкая А. Глинка танцующий // Київське музикознавство: Збірка статей. – Вип. 30. – К., 2009; см. также: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Chasopys/2010_3/16_Gadetska.pdf (укр.); Сугак М. Глинка в Испании и Испания Глинки. Дипломная работа. Рукопись. – К., НМАУ, 2003; Сугак М. Музичні нотатки про Іспанію М. Глінки (про записи іспанських наспівів) // Науковий вісник НМАУ. – Вип. 42: Історія музики: нові факти та інтерпретації – К., 2004; Тимченко И. Глинка в Италии, или Времена года (об одной особенности творчества) // Київське музикознавство: Збірка статей. Вип. 5. – К., 2000.

⁴¹ Тышко и Куколь определяют жанр «Записок» Глинки как трэвелог, «правда не полный» (Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 10) «Трэвелогами – а именно так называют произведения о путешествиях в разные страны – зачитываются сегодня все», – пишет журналист туристического сайта «Амбитура» Екатерина Хохлова. – «Чаще всего люди путешествуют по миру, вооружившись путеводителем. Хотя гораздо интереснее использовать в качестве одного художественные произведения». – См.: Хохлова Е. Лучшие книги для путешествий // электронный ресурс, режим доступа <http://www.ambitour.ru/article.php?id=313>. Дата доступа 18.03.2012.

Презентация «Испанских арабесок» совпала с пиком популярности трэвелогов на отечественном литературном рынке, который был зарегистрирован в заметке от 5.08.2011 журналистом «Московских новостей» Натальей Бабинцевой: «Наука перемены мест: трэвелоги завоевывают российский рынок» [<http://mn.ru/new/20110805/303799624.html>].

гой, возьму ее с собой в самолет, в поезд, и буду все маршруты проверять по этой книге⁴². И тут я вернусь немного в прошлое Сергея Витальевича, потому что по натуре своей он путешественник, путешественник страстный, имеющий свое хобби. В юности, в детстве, в студенческие годы он знал расписание всех поездов. Ему можно было позвонить в любое время, и получить совершенно исчерпывающий ответ не только о расписании отправления и прибытия составов, но и о станциях следования! Поэтому он с таким увлечением пишет и о дилижансах, и обо всех транспортных средствах во все эпохи. Так замечательно, что мы узнали об этих девяти км/час⁴⁴, и о том, какво это было ездить по этим дорогам на такой скорости. Я с совершенным восторгом прочитала о мулах [III, 62–63] и мне тоже захотелось пообщаться с мулами, потому что думаю, что в Киеве мулов нет. Но у нас впереди еще Италия, так что будет ждать четвертый том.

Е.С. Зинькевич:

– Выход этой книги большая радость для всех. Все именно так будут оценивать это событие. Радость и для читателя широкого, который, может быть, не так хорошо знает Глинку, но погрузится в этот текст, замечательный многослойный, и много чего узнает. И радость большая для профессионалов, для тех, кто занимается Глинкой. Серия «Странствия Глинки» позволяет понять, каким был Глинка-человек, какой у него был характер, как он выглядел, как он вел себя с друзьями, что он ел, что он пил. Предыдущие книги и «Испанские арабески» рождались у нас на глазах. На первоапрельских «Маргиналиях»⁴⁵ Сергей Витальевич опробовал многие сюжеты, которые затем попали в книги⁴⁶. Мы жили этой книгой, постепенно знакомясь с её материалом и ожидая, когда наконец-то это все сольется в таком замечательном, большом издании.

Ну а, кроме того, эта книга очень важна для ученых, которые, может быть, занимаются не только Глинкой, но и другими композиторами, другими темами. Потому что жанр комментария – сейчас один из самых востребованных жанров в гуманитарной науке. И в литературоведении, и в искусствоведении, и в музыковедении. Сергей Витальевич и его соавторы – Сергей Мамаев и Галина Куколь

⁴² Тышко и Куколь составили подробный маршрут путешествия Глинки по Испании – см.: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 49–52. При определенной расторопности турагенств он может быть эффективно использован в туристическом бизнесе. Для наглядности этот маршрут остается дополнить лишь условной картой – см. Приложение.

⁴³ Страсть Тышко к расписаниям и маршрутам в работе над «Странствиями» превратилась в важный и точный инструмент научно-исследовательской работы. В «Испанских арабесках» авторы не без гордости заядлых коллекционеров пишут: «В нашем распоряжении есть раритетное расписание испанских дилижансов 20-х годов XIX в., прилагаемое к атласу дорог Испании, изданному в 1826 году. Из него можно почерпнуть сведения о населенных пунктах, которые встречались Глинке по дороге, о днях и приблизительных часах отправления и прибытия в крупные города и о том, где и в какие часы путники (а с ними – и Глинка) делали более или менее длительные остановки для ночлега, ужина или обеда. Пользуясь путеводителем Форда, в некоторых случаях можно даже восстановить названия гостиниц по ходу следования дилижанса, где мог останавливаться Михаил Иванович. Все это существенно расширяет географию испанских странствий Глинки и добавляет туда новые населенные пункты и впечатления, будь то Вальдепеньяс с его знаменитым вином и виноградниками или Хаэн со старинным замком-крепостью на вершине горы и замечательным кафедральным собором. Кроме того, в некоторых случаях знание расписания позволяет уточнить датировки». – См.: Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки... Часть III. С. 71.

⁴⁴ Комментируя акварель 1845 года, Тышко рассказывал: «Вот испанский дилижанс. В него запряжено десять мулов. На лошадаках никто не ездил. Упряжка взбирается по крутой горе. Большая ли в этот момент скорость? Я думаю, что маленькая, около 9 км/час, но ощущение скорости ошеломляет. Все трясется и взлетает».

⁴⁵ «Из музыковедческих маргиналий» – так назывался приуроченный к первому апреля цикл конференций, которые несколько лет подряд проводила кафедра истории музыки этносов Украины и музыкальной критики НМАУ имени П.И. Чайковского.

⁴⁶ См., например: Тышко С. «Диеты и дамы за столом у Глинки» // Київське музикознавство. – Вып. 26: Веселое музыковедение. Из музыковедческих маргиналий. – К., 2008. Электронная версия (рус.) здесь: <http://mi-re.do.am/news/2008-07-11-56>.

в данном случае выступают пионерами, и серия «Странствий Глинки» является нам образец того, как надо работать с этим жанром и как что он нам может дать⁴⁷.

В целом такое многообразное воздействие, которое оказывает эта книга, невозможно преувеличить. И мы будем ждать следующих таких же замечательных работ. Пускай Петрушевская написала про Италию, она написала про свою Италию, а вы напишете про свою.

Я читала эту книгу с огромным удовольствием еще и потому, что я во всех этих местах была. Поэтому когда я взяла эту книгу рецензировать, то я снова проживала встречу с каждым городом, сравнивала свои переживания и впечатления с тем, как это воспринимает Глинка. Это был совершенно потрясающий опыт. Мне кажется, что «Гений места» Петра Вайля и три тома «Странствий Глинки» – равнозначные, равновеликие явления⁴⁸, (безусловно, с оговоркой, что Вайль и Тышко с соавторами затрагивали разные сферы). Поэтому будем ждать дальше появления новых великих явлений.

«Карта путешествия Глинки по Испании»

⁴⁷ Главное методологическое открытие серии «Странствий Глинки» заключалось в обращении к жанру комментария. В 2000- году С. Тышко и С. Мамаев по отношению к «Запискам» Глинки впервые в музыковедении использовали модель работы Ю.М. Лотмана «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”»: Комментарий». Для сравнения, проблема комментария была поднята на XI Лотмановских чтениях в РГГУ лишь в декабре 2003 года. – См.: *Михайлик Е.* Перемена адреса. Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху. Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 года // «НЛО» 2004, № 66 – электронный ресурс, режим доступа <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/komm10.html> Дата доступа 18.03.2012.

Тем не менее в работе о путешествии Глинки по Украине уже прослеживаются все те методологические принципы комментирования, которые лингвисты обозначат только через несколько лет. Это интерес к предметному миру и его целенаправленное пояснение, перевод глинкинских слов и выражений с учетом разных ситуативных контекстов, просветительская сверхзадача в работе с фактами (см.: *Гаспаров М.А.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // НЛО. 2004, № 66 – электронный ресурс, режим доступа <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/gasp6.html>. Дата доступа 18.03.2012; *Зенкин С.* Комментарий и его двойник // НЛО. 2004, № 66 – электронный ресурс, режим доступа те же), работа не только с достоверными, но и возможно-достоверными, а также недостоверными источниками (см. об этом, в частности: *Лотман Ю.М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – С. 324–329 – электронный ресурс, режим доступа <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-324-.htm> 18.03.2012) и др.

⁴⁸ С. Тышко и его соавторы в «Странствиях Глинки» реализовали одно из важных методологических намерений П. Вайля в «Гений места»: «Еще: хотелось отклониться от российской традиции литературоцентризма, обращаясь не только к писателям, но и к живописцам, архитекторам, композиторам, кинематографистам» (см.: *Вайль П.* Гений места // электронный ресурс, режим доступа <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt> . Дата доступа 18.03.2012). И в этом отношении книги «Странствий Глинки» получают совершенно особый статус, подчеркнутый обилием писательских автоцентрических трэвелогов, в том числе книгами Ю. Андруховича («Лексикон интимных мист»), П. Вайля («Карта родины»), Эрнста Юнгера («Семьдесят минуло 1965–70 (Излучения III)») и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асафьев Б.* Глинка. М.: Музгиз, 1947.
- Левашева О.* Михаил Иванович Глинка: В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Музыка, 1988.
- Тышко С., Куколь Г.* Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть III. Путешествие на Пиренеи, или Испанские арабески. К.: «Типография “Клякса”», 2011.
- Эко У.* Как написать дипломную работу // Гуманитарий – электронный ресурс, режим доступа <http://www.humanitarium.nm.ru>
- Эко У.* Остров накануне. Пер. с ит. и предисл. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 1999. – электронный ресурс, режим доступа: <http://www.philosophy.ru>